

“СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ”: ПАРАДОКС СЮЖЕТА

© 2009 г. А. М. Гуревич

Сюжетный парадокс пушкинской сказки – обоюдный обман ее персонажей и возникшая на этой почве ссора властителя и мудреца – рассматривается в статье как отражение в сказочно-символической форме реального противостояния поэта и царя.

The paradox of the plot of Pushkin's fairy-tale – mutual deceit of its characters and the quarrel of the ruler and the wizard – is analyzed in the article as a reflection of the opposition between the poet and the tsar in a fantastic and symbolic form.

Небольшая и, как может показаться, бесхитростная “Сказка о золотом петушке” – единственный плод последней болдинской осени (1834) – заслужила тем не менее репутацию сочинения странного, темного, загадочного и обросла плотным слоем разноречивых истолкований. При этом в центре развернувшихся споров оказалась знаменитая статья Анны Ахматовой [1], во многом повлиявшая на восприятие пушкинской сказки как произведения острозлободневного, политически актуального.

Обличительно-сатирический, даже памфлетный характер “Сказки о золотом петушке” настойчиво подчеркивали в своих работах А.Л. Слонимский [2, с. 424–429], Г.П. Макогоненко [3, с. 184–197] и другие авторы. Напротив, С.М. Бонди находил такое толкование ошибочным и сетовал на “неправильное понимание” пушкинского произведения и его “простого смысла”. Напрасно искать в нем, считал ученый, “политической темы, намеков на личные отношения Пушкина к Николаю I и т.д. На самом деле Пушкин написал шутиливую сказку на тему об опасности, гибельности женских чар” [4, с. 474].

По мысли В.Э. Вацура, главная ошибка Ахматовой заключалась в том, что она не обратила должного внимания на своеобразие сказочного сюжета, всегда имеющего фольклорную основу, и оценивала характеры и действия сказочных персонажей в соответствии с традициями письменной литературы [5, с. 125–127]. Напротив, В.С. Непомнящий и Д.Н. Медриш полагают, что “Золотой петушок” являет собой полную противоположность традиционной сказке, что это – своего рода “антисказка” [6, с. 236; 7, с. 113–114].

Наконец, в последнее время исследовательский интерес вообще смещается в несколько иную плоскость: все большее внимание уделяется фаллической символике, зашифрованной, по мнению ряда авторов, в тексте “Золотого петушка”, как важней-

шей грани его содержания или даже ключа к его истолкованию (см., например, [8]).

Не углубляясь сейчас в историю вопроса, обратимся непосредственно к самой статье Анны Ахматовой. Напомним сначала, что Ахматовой удалось установить: главный литературный источник “Сказки о золотом петушке” – это “Легенда об арабском звездочете” Вашингтона Ирвинга из книги новелл “Альгамбра” 1832)¹. И надо признать, что выявленное ею сюжетное сходство обоих произведений поистине поразительно! Может сложиться даже впечатление, будто в сказке Пушкина просто-напросто воспроизведена – пусть в сжатом виде – сюжетная канва “Легенды” В. Ирвинга.

В самом деле: фигура воинственного правителя, решившего на склоне лет уйти на покой, вызванная этим решением агрессия соседей, с разных сторон начавших угрожать его владениям, обращение царя к волшебному помощнику и обещание щедро его наградить, иноземная царственная красавица, ставшая предметом раздора волшебника и царя, наконец, кара, постигшая правителя, не исполнившего своего обещания, – таковы очевидные совпадения основных ситуаций и опорных моментов развития действия у Пушкина и Ирвинга.

Отмечает Ахматова и некоторые сюжетные расхождения “Легенды” и “Сказки”. Это прежде всего “вставной эпизод с царскими сыновьями и поход царя, отсутствующие в легенде Ирвинга” [1, с. 25]. Далее – то обстоятельство, что царь “влюбляется в Шамаханскую царицу над трупами своих сыновей” [1, с. 26]. Наконец, различие финалов: мавританский царь у Ирвинга отделяется тем, что волшебный флюгер “только перестает предупреждать его о приближении опасности.

¹ О других возможных источниках пушкинской сказки, а также новеллы В. Ирвинга см. в статье академика М.П. Алексеева [9].

В пушкинской же сказке талисман (золотой петушок) является орудием казни царя-клятвопреступника и убийцей» [1, с. 28].

Тем самым обосновывается главный тезис статьи: «Тема “Сказки о золотом петушке” – неисполнение царского слова» [1, с. 32]. И тема эта, полагает Ахматова, имеет реальные биографические основания: «В 1834 году Пушкин знал цену царскому слову» [1, с. 33].

При всей справедливости и проницательности суждений Ахматовой, сделанный ею вывод представляется все же недостаточным и не до конца объясняющим смысл пушкинской сказки. В самом деле: если Дадон не что иное, как “ленивый самодур”, если он, так сказать, по определению “злой царь” [1, с. 29]², то, значит, и кара, постигшая его, вполне справедлива и оправданна. Но тогда неизбежно возникают вопросы: кто и каким способом вершит справедливое возмездие, каков нравственный облик самого мстителя, каковы истинные мотивы его поступков?

В этом отношении чрезвычайно важны и показательны не отмеченные Ахматовой существенные различия между персонажами Пушкина и Ирвинга.

Действительно, арабский астролог отнюдь не бескорыстен. Оказав мавританскому царю важную услугу, он становится его ближайшим советником и неотступно находится при нем. Царь беспрекословно исполняет все его желания и прихоти, расходует на него огромные средства.

Напротив, в пушкинской сказке мудрец-звездочет не требует от царя ничего – ни денег, ни должностей, ни дворцов. Ему, старику и скопцу, не нужны и женщины. Он, можно сказать, “выше мира и страстей”. Заметим: царь *сам* обещал ему *любую* награду (“Волю первую твою, / Я исполню, как мою”). Мало того: вручив царю золотого петушка, старец вообще исчезает из повествования и возникает вновь лишь в самом финале. Своей независимостью он напоминает кудесника из “Песни о вещем Олеге” (“Волхвы не боятся могучих владык, / А княжеский дар им не нужен”)³.

Еще более существенно другое различие. Арабский астролог исправно исполняет свои обязательства, обеспечивает мавританскому царю

спокойное существование, своевременно предупреждает его о готовящихся набегах соседей. Что же касается золотого петушка (которого, как, впрочем, и Шамаханскую царицу, нельзя рассматривать иначе, чем орудие его хозяина), то он, после того, как враги окончательно присмирели (“Год, другой проходит мирно, / Петушок сидит всё смирно”), неожиданно подает тревожный сигнал о мнимой угрозе с востока. Тем самым он провоцирует трагическое развитие событий: три бессмысленных военных похода, обернувшихся истреблением войска и смертью сыновей, роковая встреча с Шамаханской царицей и последующая финальная катастрофа – окончательная гибель всего царского дома.

О том, что угроза с востока была мнимой, ибо ни малейшей опасности “иль набега силы бранной, иль другой беды незванной” не существовало вовсе, ясно свидетельствует сама отдаленность роковой точки, до которой первая воинская рать шла целых восемь дней. Столько же навстречу предполагаемому врагу двигалась вторая, а затем и третья рать. Значит, гипотетический неприятель или носитель беды все это время даже не предполагал трогаться с места.

Стало быть: прежде, чем “злой царь” обманул своего благодетеля, вероломно нарушив данное ему обещание, он сам был обманут, обманут жестоко и страшно. Вот почему «ошибаются те, кто думает, что в теме клятвопреступления, нарушения “царского слова” – основное содержание сказки, – справедливо замечает В.С. Непомнящий. – Страшная беда – смерть обоих сыновей, их взаимное братоубийство – постигает Дадона гораздо раньше, чем он успел хоть в чем-нибудь провиниться перед владельцем золотого петушка» [6, с. 233]. К сказанному необходимо добавить: в отличие от мавританского царя в “Легенде”, Дадон был жестоко наказан вовсе не за нарушение царского слова. *Непосредственной* причиной его гибели стало убийство мудреца-звездочета – роковой удар “жезлом по лбу”.

Как же объяснить этот обоюдный обман – главный сюжетный парадокс пушкинской сказки? В чем смысл противостояния мудреца и царя? Как оценивает их поведение, их конфликт сам автор?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо уяснить сначала, почему – в противоположность астрологу “Легенды”, женолюб и сладострастнику, – главным антагонистом царя в пушкинской сказке оказывается скопец. Ведь, казалось бы, это обстоятельство делает их ссору в финале совершенно абсурдной. “И зачем тебе девица?” – справедливо недоумевает Дадон.

Как уже говорилось, именно эта особенность пушкинского персонажа обсуждается сейчас особенно оживленно. Нам же важно подчеркнуть, что оскотленность мудреца-звездочета имеет в

² «Самое имя царя, – поясняет Ахматова в скобках, – взято из “Сказки о Бове Королевиче”, где Дадон – “злой царь”. И далее: «В юношеской поэме Пушкина “Бова” Дадон – имя царя “тирана”, которого Пушкин сравнивает с Наполеоном» [1, с. 29].

³ Показательно, что в ходе работы над текстом Пушкин стремился подчеркнуть независимость поведения мудреца. Так, строки чернового автографа: “Тот пришел к царю – С поклоном / Стал старик перед Дадонем” [10, с. 1109] – в окончательном варианте заменены на: “Шлет за ним гонца с поклоном. / Вот мудрец перед Дадонем / Стал...”. То есть, ситуация меняется на противоположную: теперь царь *сам* кланяется мудрецу.

“Сказке” не сексуально-эротический, а скрытый политический смысл.

В своей содержательной и богатой интересным материалом книге “Содом и Психея” [11] Александр Эткинд показал, сколь важную роль в русской культуре, в духовной, общественной и политической жизни страны играли всевозможные религиозно-мистические секты. И среди них – секта скопцов, отличавшаяся особо радикальными политическими взглядами и стремившаяся к установлению тотального контроля над обществом во имя коренного его переустройства. Причем власть, долгое время относившаяся к скопцам весьма терпимо, проявлявшая к их деятельности определенный интерес и даже оказывавшая им серьезную практическую поддержку, перешла затем (после 1820 г. и особенно – в николаевское царствование) к политике преследований и репрессий. А после присоединения к России (в 1820 г.) Шемахи – области в Закавказье – “туда стали ссылать скопцов из разных мест России, и под Шемахой образовались известные их поселения. Так что шемаханский скопец – никак не восточный евнух, а ссыльный русский сектант” [11, с. 164]⁴.

Действительно, в сохранившейся части черного автографа Пушкин называет своего героя шамаханским скопцом или шамаханским мудрецом. Правда, в окончательном тексте эти прямые определения исчезают, а восточный колорит лишь слегка ознанчен: в финале звездочет появляется в арабском головном уборе – “в сарачинской шапке белой”. Однако же эта, как будто бы мелкая, случайная деталь, равно как и наименование восточной красавицы Шамаханской царицей (заимствованное из поэмы-сказки Катенина “Княжна Милуша”, 1834) косвенно указывает и на принадлежность старца к преследуемой отечественной секте⁵. И это обстоятельство сразу же придает пушкинской сказке актуальное политическое звучание.

Проясняется прежде всего скрытая суть разыгравшегося в ней конфликта. Становится очевидным, что царю противостоит здесь опальный изгнанник, пострадавший за свои убеждения и действия и потому заведомо враждебный вла-

сти. А значит, и его возмездие своему антагонисту есть деяние намеренное и целенаправленное.

Сказанное, конечно, не означает, будто поэт разделял взгляды своего персонажа, симпатизировал скопцам или каким-то другим религиозным сектам. В символично-сказочной структуре произведения оскопленность мудреца-звездочета предстает лишь как внятный современникам намек – знак его отверженности, принадлежности к гонимым и ссыльным, что не могло не ассоциироваться с судьбой самого поэта и его отношениями с царем.

Невозможно поэтому согласиться с истолкованием пушкинской сказки, предложенным самим автором “Содома и Психеи”. А. Эткинд видит в ней некую антиутопию, предостерегающую власть от опасного и губительного союза со всякого рода лжепророками и мудрецами-сектантами. По его мнению, “Пушкин рассказал о зловещем союзе царя и скопца – и о том, что могло бы из него выйти” [11, с. 164, см. также с. 135].

Не говоря уже о том, что отношения Дадона и мудреца трудно назвать союзом⁶ (особенно, если вспомнить, что один из “союзников” считает возможным хватить другого “жезлом по лбу”), весь ход рассуждений А. Эткинда неизбежно приводит к выводу, будто в конфликте Дадона и скопца симпатии поэта безусловно на стороне царя. Однако это плохо вяжется как с сюжетом пушкинской сказки, так и с обстоятельствами ее создания.

Очевидно, что на самом деле все обстоит как раз наоборот. Достаточно указать хотя бы на контрастно-символические сравнения, характеризующие обоих персонажей: с одной стороны, это “птица ночи” (“Как пред солнцем птица ночи, / Царь умолк, ей глядя в очи”), с другой – лебедь (“Весь как лебедь поседель”). Ведь согласно народно-мифологическим представлениям, все ночные птицы (филин, сова, сыч) являются зловещими демоническими существами, дьявольским отродьем, воплощением нечистой силы. Они несут человеку угрозу, предрекают беду, болезнь, смерть (см. [13, с. 347; 14, с. 568, 572–573]). Напротив, лебедь – это символ возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, пророческого и поэтического дара, символический образ самого поэта, певца (см. [15, с. 41]). Более того, он «относится к *почитаемым*, “*святым*” *птицам*. Такое отношение к нему характерно прежде всего для русской народной традиции...». Убийство лебедя считается большим грехом, а кара за это должна пасть “не только на виновника убийства, но и на весь его род... Нередко именно дети становятся жертвой наказания за вину отца, осме-

⁴ Впрочем, В. Паперный приводит веские аргументы в пользу гипотезы, что герой пушкинской сказки – это как раз восточный мудрец, евнух [12, с. 128]. Однако предложенное им истолкование не проясняет мотивировку и суть конфликта, а главное – не дает ответа на вопрос: зачем же все-таки нужно было представлять антагониста царя скопцом?

⁵ Разумеется, Пушкин был прекрасно осведомлен о судьбе секты скопцов. Достаточно сказать, что один из его ближайших друзей, Александр Тургенев (адресат шуточного послания 1817 г. “Тургенев, верный покровитель / Попов, евреев и скопцов”), занимал в ту пору (1810–1824) высокий пост директора департамента в Министерстве духовных дел.

⁶ Скорее так можно охарактеризовать (о чем уже было сказано ранее) отношения мавританского царя и арабского астролога у В. Ирвинга. Что касается пушкинского звездочета, то в финале он сам говорит только о том, что оказал царю услугу (“Помнишь? за мою услугу...”).

лившегося убить лебедя...” [14, с. 677–678]. Аналогия с событиями пушкинской сказки напрашивается тут сама собой.

Недаром же, как не раз отмечали исследователи, мотив возмездия злему царю звучит в финале пушкинской сказки столь зловеще и грозно (см., например [16, с. 182]). И опять-таки: совсем не случайно расправу с жестоким правителем вершит ожившая статуэтка золотого петушка. Ибо петух, по народным поверьям, воплощает светлое, солнечное начало и призван разгонять нечистую силу (см., например [17, с. 310; 18, с. 75]). В то же время он символизирует вечное возрождение жизни, воскресение из мертвых, т.е. применительно к сюжету пушкинской сказки – возможность воскрешения мудреца-звездочета, а в более широком смысле – бессмертие поэта-пророка.

Вероятны, впрочем, и литературно-полемические мотивы, побудившие поэта избрать героем своей сказки скопца. Речь идет о давнем споре Пушкина с Катениным, автором “Старой были” (1828). Главным ее героем, напомним, был сладкоголосый певец-грек, апологет самодержавной власти и противник свободы, в котором без труда угадывается Пушкин, автор “Стансов” (1826). Ему противостоит русский поэт-воин (читай: Катенин), верный свободолобным идеалам и старым боевым друзьям. Для нас же особенно важно сейчас, что сладкоголосие грека и его певческий дар объясняются в стихотворении Катенина тем, что уже в юности он был оскроплен.

Хорошо известно, сколь острой и резкой была пушкинская реакция на “Старую быль” и приложенное к ней стихотворное послание (“А.С. Пушкину”). Поэт был глубоко задет недвусмысленными намеками на его измену прежним идеалам и раболепство перед властью. Ясное свидетельство тому – “Ответ Катенину” (1828), полный личных выпадов, а – главное – знаменитый “Анчар” (1828), где смертельное для всего живого “дерево яда” предстает разительным контрастом вечнозеленого дерева, символизирующего благодетельность самодержавной власти в песне сладкоголосого катенинского грека.

Теперь же, по прошествии долгого времени, Пушкин вновь, казалось бы, неожиданно, возвращается к давней полемике. Скорее всего, его подтолкнули к этому причины внутренние (все усиливающаяся напряженность в отношениях с царем) и внешние (выход в 1834 г. поэмы-сказки Катенина “Княжна Милуша”, одной из героинь которой, как уже говорилось, была шамаханская царица). И вот – в противовес образу грека-скопца из “Старой были”, лыстивого певца, безудержно прославляющего единовластие, – он создает образ оскропленного мудреца-пророка, творящего возмездие злему царю.

Суровая кара, обрушившаяся на царя Дадона, поневоле вызывает в памяти известные строки юношеской оды “Вольность”: “Самовластительный Злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостию вижу”. Такая ассоциация не покажется неожиданной или нарочитой, если вспомнить, что за полгода до создания сказки негодующий на царя поэт, как свидетельствовал А.Н. Вульф, говорил, “что возвращается к оппозиции” [19, с. 149].

В научной литературе не раз отмечалась определенная близость “Сказки о золотом петушке” и поэмы “Медный всадник” – обычно со ссылкой на известную работу Р.О. Якобсона [20]⁷. В самом деле, действующие лица обоих произведений и важные слагаемые их сюжетов отчасти сходны. Это – царь, затем его антагонист и одновременно его жертва, ожившая статуя, наконец, ужасающая катастрофа. Но если в поэме статуя олицетворяла незыблемую мощь царской власти, была инобытием правителя, то в сказке она стала инобытием его антагониста. И если в поэме взбунтовавшийся Евгений ограничивается лишь угрозой царю (“Ужо тебе!..”), то в сказке угроза эта реализуется в полной мере.

Таков был пушкинский ответ на царские “милости”, которых к осени 1834 года скопилось предостаточно. Это и фактическое запрещение “Медного всадника”, и перлюстрация личных писем поэта, и подчеркнутое внимание к его жене, и угрозы в связи с прошением об отставке, и – едва ли не самое главное – пресловутое камер-юнкерство, которого, как замечает Ахматова, “Пушкин не простил царю до самой смерти” [1, с. 34]. “Сказка о золотом петушке”, таким образом, может быть названа кульминационной точкой в затнувшемся противостоянии поэта и царя.

Вообще же, внимание Пушкина, историка и художника, неизменно влекли к себе эпохи смуты, эпизоды насильственного устранения монарха. Но это уже – особая тема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахматова Анна. Последняя сказка Пушкина // Ахматова Анна. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. М.: Эллис Лак 2000, 2002.
2. Слонимский А. Мастерство Пушкина. Изд. 2. М.: Художественная литература, 1963.
3. Макогоненко Г.П. Творчество Пушкина в 1830-е годы (1833–1836). Л.: Художественная литература, 1982.

⁷ “Иронический гротеск вытеснил трагическую петербургскую повесть: волшебник-скопец заменил Петра Великого, а петушок на спице... занял место исполинского всадника над скалой” [20, с. 163].

4. *Бонди С.М.* “Сказка о золотом петушке” // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1975.
5. *Вацууро В.Э.* “Сказка о золотом петушке” (Опыт анализа сюжетной семантики) // *Пушкин. Исследования и материалы.* Т. XV. СПб.: Наука, 1995.
6. *Непомнящий В.* Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. Изд. 2. М.: Советский писатель, 1987.
7. *Медриш Д.Н.* От двойной сказки – к антисказке (Сказки Пушкина как цикл) // *Московский пушкинист.* I. М.: Наследие, 1995.
8. *Заславский О.Б.* “Сказка о золотом петушке” А.С. Пушкина: Сюжет о добывании беды // *Russian Literature LXII* (2007) II.
9. *Алексеев М.П.* Заметки на полях. 6. Пушкин и повесть Ф.М. Клингера “История о Золотом петухе” // *Временник Пушкинской комиссии.* 1979. Л.: Наука, 1982.
10. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 3. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
11. *Эткинд Александр.* Содом и Психея. Очерки интеллектуальной жизни Серебряного века. М., 1996.
12. *Паперный В.* Опыт о “Сказке о Золотом Петушке” А.С. Пушкина // *Пушкинский сборник.* Вып. 1. Иерусалим, 1997.
13. *Топоров В.Н.* Птицы // *Мифы народов мира.* В 2 т. Т. 2. М., 1982.
14. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
15. *Топоров В.Н.* Лебедь // *Мифы народов мира.* В 2 т. Т. 2. М., 1982.
16. *Сурат И., Бочаров С.* Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002.
17. *Топоров В.Н.* Петух // *Мифы народов мира.* В 2 т. Т. 2. М., 1982.
18. *Красухин Г.Г.* Четыре пушкинских шедевра. М.: Изд-во МГУ, 1996.
19. *Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина.* В 4 т. Т. 4 (1833–1837) / Составитель Н.А. Тархова. М.: Изд-во СЛОВО/SLOVO, 1999.
20. *Якобсон Роман.* Статуя в поэтической мифологии Пушкина // *Якобсон Роман.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.